

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ «СОЦИАЛИЗАЦИИ» БИЗНЕСА НА СТРАТЕГИИ КОМПАНИЙ

Е. В. Козлова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-510-92006.

На сегодняшний день все больше компаний при разработке стратегий особое внимание уделяют вопросам экологического и социального воздействия бизнеса. Ужесточение требований в области экологии и социального развития вынуждают компании учитывать их при разработке стратегии и программ развития. Современные подходы к оценке эффективности проектов в области устойчивого развития в большей степени ориентированы на измерение количественных показателей (число проведенных мероприятий или объем инвестиций), а не качественных (оценку результативности их воздействия на среду). Несмотря на широкую практику внедрения принципов устойчивого развития, в стратегии компаний до сих пор отсутствует единая методика оценки, позволяющая измерить их результативность и провести сравнительный анализ внутри страны, отрасли или отдельных предприятий между собой. Существенное внимание со стороны общественности и стейкхолдеров к социализации бизнеса приводит к распространению такого негативного явления, как импактвошинг.

Ключевые слова: *социальное воздействие, стратегии, импакт-инвестирование, ESG-факторы, устойчивое развитие.*

На протяжении XX в. происходило вовлечение бизнеса в решение социальных и экологических проблем. Практика ответственного развития организаций (ESG), концепции корпоративной социальной ответственности (CSR) и социально ответственного инвестирования (SRI) трансформировались в стратегические цели компаний, ориентированные не только на получение прибыли, но и на решение других важных для бизнеса задач. Привлечение инвестиций с целью достижения положительного социального и экологического воздействия совместно с основной деятельностью компании получило название «импакт-инвестирование». Постепенно возрастают требования заинтересованных сторон к социальной ответственности бизнеса. Расширение знаний о возможностях, открывающихся для компании в области устойчивого развития в долгосрочной перспективе, обращает внимание стейкхолдеров на оценку социального воздействия бизнеса и разработку системы его мониторинга. Современная система оценки должна учитывать не только положительные, но и отрицательные эффекты, принимая во внимание, что часть из них может проявляться только в долгосрочной перспективе. В связи с этим важно включать показатели, дающие возможность оценить как промежуточные, так и итоговые результаты относительно установленных целей. На сегодняшний день российскими компаниями

в основном применяются собственные методики, разработанные на основе наиболее успешных международных систем оценки.

За последние десятилетия произошел существенный сдвиг в предпочтениях потребителей, разделяющих принципы устойчивого развития и готовых платить более высокую цену за продукт социально ответственных компаний, производство которого не наносит вред природе. Стратегические решения все чаще принимаются компаниями под влиянием ужесточения различных требований в экологическом и социальном компоненте. При этом реальные мотивы установления таких требований остаются дискуссионным вопросом и не всегда выстроены только на принципах борьбы за экологичность производства и в интересах социального развития [6]. Новые ESG-стандарты (Environmental, Social and Corporate Governance) учитываются при разработке стратегий не только крупнейших предприятий, но и региональных стратегий и программ [1; 4]. Соответствие ESG-стандартам становится обязательным требованием для инвестирования, которое должно отвечать долгосрочным общественным интересам, а отказ от следования им постепенно будет приводить к потере стоимости и инвестиционной привлекательности компании [2; 3; 8].

Для российских компаний, заинтересованных в иностранных инвесторах и покупателях, требования контрагентов о соответствии ESG-стандартам являются основным стимулом к учету их при разработке стратегии (рис. 1). Глобальные тенденции в области устойчивого развития приводят к пересмотру принципов кредитования. Среди наиболее распространенных — зависимость кредитной процентной ставки от ESG-рейтинга компании, или достижения заданных значений показателей, характеризующих прогресс в области улучшения экологии и социального воздействия. Радикальные меры предприняты рядом европейских банков, которые взяли на себя обязательство отказаться от кредитования новых проектов в сфере добычи энергетического угля. В феврале 2021 г. Ассоциация банков России представила «Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России». Ужесточение требований доступа к международным рынкам вынуждает формировать стратегию компании на основе учета и управления экологическими и социальными рисками.

Ключевым событием в области устойчивого развития стали разработка и принятие ООН в 2015 г. 17 целей устойчивого развития, включая 169 целевых задач и 230 показателей результативности их достижения. На протяжении нескольких лет они являются отправной точкой для внедрения данных принципов в стратегии компаний и служат базой для составления международных рейтингов, учитывающих ESG-факторы.

Стоит отличать благотворительные проекты от импакт-инвестирования, целью которого является не только достижение социальных и экологических целей, но и значимого финансового результата. Глобальная сеть импакт-инвесторов (GIIN) определила ключевые критерии таких инвестиций: целеполагание (четкое определение ожидаемого социального эффекта), возвратность (окупаемость таких инвестиций), спектр возврата (учитывающий взаимосвязь между прибылью и социальным и экологическим результатом) и оценка воздействия (измерение, позволяющее отразить достижение целей).

Среди ключевых направлений мониторинга социального воздействия можно выделить вектор (положительные и отрицательные эффекты), интенсивность (оценка степени воздействия), время (требуемая продолжительность воздействия для достижения цели), границы и др. В связи с этим требуется разработка системы показателей, позволяющих оценить не только эффективность использования ресурсов, достижение поставленных целей, но и вызванные изменения и их устойчивость.

Объем рынка импакт-инвестирования за последние 5 лет вырос почти в 7 раз (рис. 2), что свидетельствует о росте приоритета социальной миссии бизнеса наряду с финансовыми результатами. При этом основная доля таких инвестиций приходится на частный капитал, но и государственные вложения в последние годы демонстрируют положительную динамику.

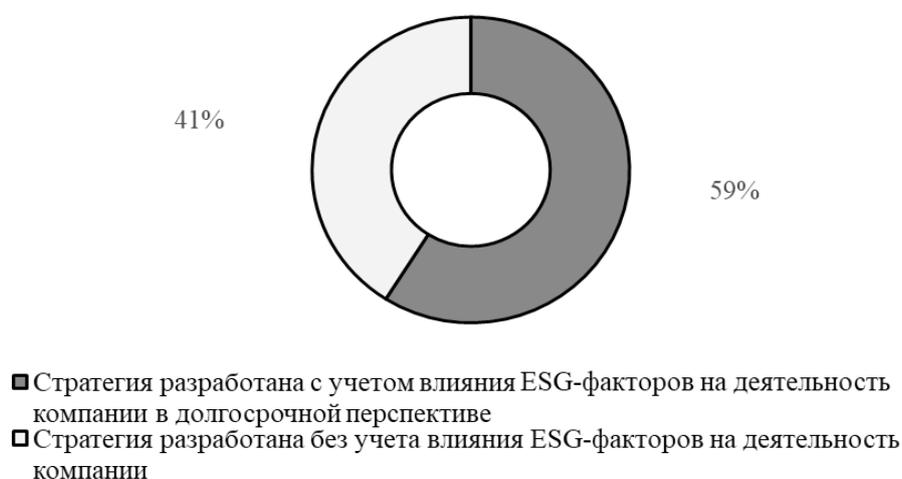

Рис. 1. Учет ESG-факторов в стратегии российских компаний

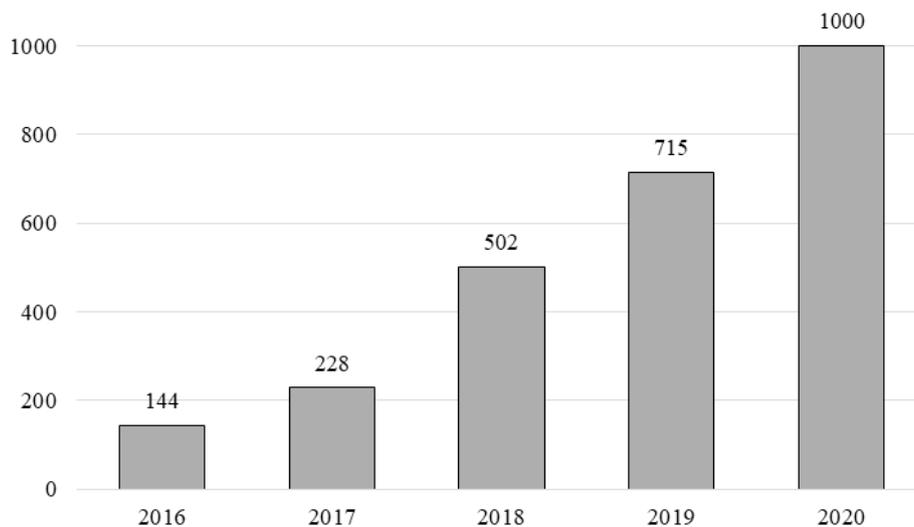

Рис. 2. Объем мирового рынка импакт-инвестиций, млрд долл.

Стоит отметить, что исследования в области импакт-инвестирования подтверждают удовлетворенность ожиданий инвесторов в достижении не только социального воздействия (82%), но и финансовых результатов (76%)¹. Целевые уровни доходности 66% импакт-инвесторов при этом соответствовали рыночным ставкам с поправкой на риск. Распределение инвестиций в 2020 г. в мире выявило, что наиболее популярными секторами для импакт-инвестирования остаются продовольствие и сельское хозяйство (57%), здравоохранение (49%), энергетика (46%) и образование (41%)².

Наличие посредников (биржи, специализированные платформы, посреднические организации) обеспечивающих связь и взаимодействие инвесторов и потенциальных получателей, оказывающих консультационные услуги и помощь в подготовке сделок, способствует развитию импакт-инвестирования. При этом значимой остается роль государства, не только регулирующего, но и стимулирующего данный вид инвестирования путем предоставления налоговых льгот инвесторам и создания государственных инвестиционных импакт-фондов.

¹ Мировой опыт развития импакт-инвестиций. Исследование Фонда региональных социальных программ «Наше будущее» совместно с НИУ ВШЭ. 2020. 42 с. (<http://nb-forum.ru/library/books/issledovanie-mirovoi-opit-razvitiya-impakt-investitsii>).

² 2020 Annual Impact Investor Survey. GIIN Research Team. 2020. 104 p. (<https://thegiin.org/assets/GIIN%20Annual%20Impact%20Investor%20Survey%202020.pdf>).

Прямой перенос международных подходов к оценке социального воздействия бизнеса на российские компании оказался невозможен ввиду существенного различия в уровне развития и отсутствия широкой практики его применения. В рамках исследования бизнес-школы «Сколково» было выявлено только 16 российских компаний, имеющих успешный опыт применения систем мониторинга и оценки социального воздействия³. Среди наиболее успешных практик выделяются три типа стратегий: «эволюции», подразумевающая постепенный процесс внедрения принципов устойчивого развития («СИБУР»); «ускорения» — быстрое внедрение стратегического подхода к управлению устойчивым развитием (Segezha Group); «локализации» — внедрение глобальных стратегических приоритетов международной группы компаний, с учетом страновых особенностей («Coca-Cola HBC Россия»).

В России мониторинг и оценка социального воздействия проводятся в основном крупными добывающими и промышленными компаниями, при этом значимость мониторинга отмечается значительной частью бизнес-сообщества. Согласно проведенному PwC опросу среди членов советов директоров

³ «Золотой стандарт» импакта. Лучшие кейсы и практики по измерению социального воздействия бизнеса. Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО. 2021. 170 с. (https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/3bd2cdb4—8b85—4440—962ad06d83b704b/SKOLKOVO_GOLD_STANDART_RUS.pdf).

российских компаний в 2020 г., 60 % опрошенных понимают влияние ESG-факторов на компанию, при этом последствия их влияния на финансовые результаты видят только 38 %¹. Почти половина членов советов директоров (49 %) говорят об учете ESG-факторов в стратегии компании и отмечают их значимость для инвесторов (44 %). Крупнейшие российские предприятия, являющиеся лидерами и ориентирами для других компаний страны и отрасли, несмотря на многообразие и различие типов стратегий [5; 7], с учетом растущей значимости социального воздействия при выборе основных направлений развития должны учитывать его при разработке стратегий на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу.

Несмотря на то что российские компании ориентируются на мировой опыт внедрения принципов устойчивого развития и социального воздействия, разработка эффективных методов оценки результативности реализуемых проектов должна производиться с учетом страновых особенностей. В стратегиях управления устойчивым развитием крупнейших российских компаний присутствуют стратегические показатели, позволяющие оценить социальные и экологические эффекты, но большинство корпораций только начинают их внедрять. При этом развитие данного вида инвестирования в России характеризуется наличием широкого круга региональных импакт-инвесторов, стимулирующих положительные эффекты социального и экологического воздействия в регионах своей деятельности.

Рынок импакт-инвестирования в России имеет большой потенциал в связи с высокой потребностью в решении проблем в социальной сфере. Кроме того, растет внимание общественности к вопросам социального воздействия и роли бизнеса в решении социальных вопросов — создана Ассоциация импакт-инвесторов России; в 2019 г. государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» начинает реализацию проектов социального воздействия; в 2021 г. журналом *Forbes* впервые был составлен рейтинг российских импакт-инвесторов; создана российская платформа для импакт-инвестиций *ImpactFuture*, предоставляющая инвесторам механизмы решения социальных проблем. Участники российского рынка считают, что роль социального воздействия будет расти и оказывать существенное влияние на сто-

имость компании и ее потенциальную привлекательность для инвесторов. Исследование EY мнений инвесторов за 2020 г. показало, что для 91 % институциональных инвесторов нефинансовые показатели играют ключевую роль при принятии инвестиционных решений².

Ключевой проблемой «социализации» бизнеса становится распространение импактвошинга (*impact washing*) — недобросовестного поведения компаний, заявляющих о своей социальной деятельности с целью повышения лояльности инвесторов и покупателей, но не ведущих ее в реальности. Использование образа социально ориентированного предприятия становится возможным ввиду отсутствия рабочих инструментов измерения социального воздействия и сравнения результатов с другими участниками рынка. Эксперты также отмечают, что компании, зачастую намеренно отдают предпочтение только тем проектам, результаты реализации которых можно измерить и предоставить в рамках нефинансовой отчетности в краткосрочном периоде. Возможность использовать такие быстрые результаты для отчета перед стейкхолдерами или для формирования имиджа компании идет вразрез с принципами устойчивого развития бизнеса. Распространение импактвошинга приводит к росту недоверия со стороны инвесторов и существенно замедляет развитие импакт-инвестирования. Инструментом борьбы является внешняя независимая импакт-верификация (оценка методов управления социальным воздействием), проводимая независимой компанией или самим импакт-инвестором.

Поиск новых подходов к противодействию социальным и экологическим угрозам приводит к динамичному развитию импакт-инвестирования во всем мире. Импакт-инвесторы ориентированы не на снижение негативных последствий ведения бизнеса, а на создание положительного социального и экологического эффекта. При этом такое воздействие не рассматривается как единственная цель инвестиции, а рассматривается наряду с финансовыми результатами деятельности компании. В условиях пандемии коронавируса во всем мире социальные вопросы выходят на передний план и их решение является приоритетной задачей не только государства, но и бизнеса.

¹ Совет директоров будущего. Pw C. 2021. 60 с. (<https://www.pwc.ru/ru/assets/board-survey-28-06.pdf>).

² Глобальное исследование мнений институциональных инвесторов за 2020 год. EY. 2020. 36 с. (https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/assurance/assurance-pdfs/ey-global-institutional-investor-survey-2020.pdf).

Список литературы

1. Довбий И. П., Кобылякова В. В., Минкин А. А. Методологические аспекты имплементации ESG-факторов в новый инвестиционный цикл регионов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 77—86.
2. Ефимова О. В., Волков М. А., Королёва Д. А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 4. С. 82—97.
3. Иваницкий В. П., Петренко Л. Д. Развитие ответственных инвестиций в соответствии с концепцией устойчивых финансов // Journal of New Economy. 2020. Т. 21, № 4. С. 63—78.
4. Львова Н. А. Ответственные инвестиции: теория, практика, перспективы для Российской Федерации // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 3. С. 56—67.
5. Николаева Е. В., Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Идентификация стратегий российских корпораций: маркеры и результаты // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 73—85.
6. Плетнев Д. А. О декарбонизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 179—184.
7. Плетнев Д. А., Николаева Е. В., Козлова Е. В. Типология официальных стратегий крупных российских корпораций // Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика: монография. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 300—321.
8. Семешина Н. Т. Преимущества устойчивого инвестирования // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 6 (79). С. 237—244.

Сведения об авторе

Козлова Елена Викторовна — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kozlova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 168—173.*

INFLUENCE OF MODERN BUSINESS SOCIALIZATION CONCEPTS ON COMPANY STRATEGY

E. V. Kozlova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kozlova@csu.ru

Today, more and more companies, when developing strategies, pay special attention to the issues of environmental and social impact of business. Tightening environmental and social requirements are forcing companies to take them into account when developing strategies and development programs. Modern approaches to assessing the effectiveness of projects in the field of sustainable development are more focused on measuring quantitative indicators (the number of activities carried out or the volume of investments), rather than qualitative ones (assessing the effectiveness of their impact on the environment). Despite the widespread practice of introducing the principles of sustainable development into the strategies of companies, there is still no unified assessment methodology that allows you to measure their performance and conduct a comparative analysis within the country, industry or individual enterprises among themselves. Significant attention from the public and stakeholders to the socialization of business leads to the spread of such a negative phenomenon as impact washing.

Keywords: *social impact, strategies, impact investing, ESG-factors, sustainable development.*

References

1. Dovbiy I. P., Kobylyakova V. V., Minkin A. A. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (456), pp. 77—86 [in Russ.].
2. Efimova O. V., Volkov M. A., Korolova D. A. (2021) *Finansy: teoriya i praktika*, no. 4, pp. 82—97 [in Russ.].

3. Ivanitskiy V. P., Petrenko L. D. (2020) *Journal of New Economy*, no. 4, pp. 63—78 [in Russ.].
4. Lvova N. A. (2019) *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO*, no. 3, pp. 56—67 [in Russ.].
5. Nikolayeva E. V., Pletnev D. A., Kozlova E. V. (2021) *Nauchno-tehnicheskiye vedomosti SPbGPU*, no. 3, pp. 73—85 [in Russ.].
6. Pletnev D. A. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (456), pp. 179—184 [in Russ.].
7. Pletnev D. A., Nikolaeva E. V., Kozlova E. V. (2020) Tipologiya ofitsial'nykh strategiy krupnykh rossiyskikh korporatsiy. Ustoychivoye razvitiye tsifrovoy ekonomiki i klasternykh struktur: teoriya i praktika [Typology of the official strategies of large Russian corporations. Sustainable Development of the Digital Economy and Cluster Structures: Theory and Practice]. St. Petersburg, Politekh-press, 2020. Pp. 300—321 [in Russ.].
8. Semeshina N. T. (2019) *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*, no. 6 (79), pp. 237—244 [in Russ.].